

Кэтрин
Чиджи

Тяньчик

роман

Перевод с английского
Марины Извековой

phantom press

Москва

1984 2014

17	ГЛАВА 2
22	ГЛАВА 3
45	ГЛАВА 4
61	ГЛАВА 5
87	ГЛАВА 7
97	ГЛАВА 8
108	ГЛАВА 9
130	ГЛАВА 10
137	ГЛАВА 11
150	ГЛАВА 12
173	ГЛАВА 14
186	ГЛАВА 15
194	ГЛАВА 16
207	ГЛАВА 17
216	ГЛАВА 18
233	ГЛАВА 20
239	ГЛАВА 21
243	ГЛАВА 22
251	ГЛАВА 23
260	ГЛАВА 24
279	ГЛАВА 25
294	ГЛАВА 26
323	ГЛАВА 28
360	ГЛАВА 29
378	ГЛАВА 30

11 ГЛАВА 1

75 ГЛАВА 6

165 ГЛАВА 13

227 ГЛАВА 19

313 ГЛАВА 27

405 ГЛАВА 31

ГЛАВА 1

Знаю, что это миссис Прайс, — но в то же время нет, не может быть, и эта мысль не дает мне покоя. То ли зрение меня обманывает, то ли освещение, то ли память. Для начала: на вид ей чуть за тридцать, слишком молода... кроме всего прочего. И все-таки... те же светлые волнистые волосы, красиво очерченные скулы, даже голос похож.

— Давайте вас усадим, мистер Крив. — Она ведет отца к глубокому мягкому креслу с откидной спинкой. Отец только что из душа, и лицо у него свежее, розовое, щеки гладко выбриты. Чувствую запах одеколона “Олд спайс”. До кресла всего несколько шагов; отец ковыляет, тяжело опираясь на ее руку. С виду не скажешь, что она такая сильная. — После душа сразу другим человеком себя почувствуете. — Она останавливает его у кресла. — Чистый, красивый, как и полагается к приходу гостей.

— Я его дочь, — поясняю, — Джастина. — И машинально протягиваю руку, не подумав, что пожать она не сможет, потому что поддерживает отца.

— Наслышана о вас. — Она улыбается, в уголках карих глаз добрые морщинки-лучики. Та самая улыбка из прошлого, те же глаза.

Моя двенадцатилетняя дочь Эмма, сидя на кровати, отколупывает с ногтей конфетно-розовый лак. Отец задерживает на ней взгляд:

— Форму повесила?

— Да, как обычно. — Эмма говорит правду, одежда у нее всегда в порядке.

Отец указывает на Эмму дрожащей рукой.

— Это моя дочь Джастина, — обращается он к сиделке. — Врет и не краснеет. Если к ней в комнату зайти, наверняка форма валяется. Мы ей без конца напоминаем.

Эмма лишь улыбается.

— Я тебе коржиков напекла. — Она ставит судок на столик у кровати. — Имбирных, твоих любимых. — Сколько в ней доброты — совсем как у ее отца.

— А теперь, мистер Крив, нащупайте кресло пальцами ног, — говорит сиделка. — Держитесь за подлокотники... вот так... и садитесь. Замечательно.

Сажу рядом с Эммой на кровати и смотрю, а в горле ком от всегдашнего чувства вины — но я же не могу сама за ним ухаживать. Не могу его причесывать, стричь ему ногти, одевать его и раздевать. Не могу его мыть. А главное, в плохие дни не могу без конца объяснять, что в лавку ему возвращаться не надо, что никто его не грабил, что Эмма не его дочь, а я не его жена, воскресшая из мертвых. Все согласны, что лучше места для него не найти.

— Красавец. — Сиделка заправляет ему воротник рубашки под шерстяную кофту — на самом деле чужую, в прачечной вечно путают одежду. — Хотя сейчас на гулянку, — улыбается она, — безобразничать.

— Как знать, — отвечает отец. — Может, как стемнеет, улизну.

Сиделка смеется:

— Ах вы шалун! Небось в казино? По клубам, девчонок снимать? За ним глаз да глаз нужен, Джастина!

— Ладно, — обещаю, — присмотрю за ним.

Сиделка, кивнув, гладит меня по руке.

— Повезло ему с вами.

Не могу отвести от нее взгляда. Конечно, отец замечает. Конечно, на самом деле он помнит. “Соня”, — гласит значок на ее элегантной форменной блузе с цветами, вовсе не похожей на медицинскую одежду. В этом заведении гордятся индивидуальным подходом — пусть, мол, обитатели чувствуют себя как дома. Тем, кто живет в коттеджах, даже разрешено держать кошку или птичку — при условии, что их взяли из дома. Нового питомца после смерти прежнего завести нельзя — да и живет отец не в коттедже, а в улучшенном номере.

— Не буду вам мешать, — говорит Соня.

Хочется с ней побеседовать, спросить, знала ли она миссис Прайс, — но что я ей скажу? Как объясню, что случилось? Притом что у меня было тридцать лет, чтобы все обдумать, разложить по полочкам. Все равно эта история всегда у меня внутри — черная тяжесть давит на сердце, не дает дышать.

— Не забудьте, в три часа в большом зале игра “Любопытные вопросы”, — напоминает Соня. — Вам предстоит защищать свой титул.

— Это да, — отвечает отец.

И она уходит.

— Новенькая, — говорю я.

— Дольше пары месяцев ни одна не продержалась, — отвечает отец. — Зарплата у них не позавидуешь.

— Никого она тебе не напоминает?

— Кого?

— Неужели не видишь?

— Кого? — спрашивает Эмма.

— Не понимаю, о чем ты. — Отец, взяв газету, показывает раздел “Недвижимость” — я в поисках нового дома. — Кирпич. — Он тычет пальцем в объявление, обведенное в кружок. — Красивый, прочный. На века.

Итак, сегодня у него хороший день, а из хорошего дня надо извлечь все, что можно, — задержаться подольше в номере или прогуляться с отцом по парку, а парк здесь дивный: скамейки в тени дубов и кленов, роскошные клумбы с розами. Садовники вежливо кивают, а сами что-то подстригают, подравнивают, обихаживают.

Но мне снова двенадцать.

1984

ГЛАВА 2

Под вечер я лежала на животе, запустив пальцы в густую выжженную траву, которая росла вдоль забора. Ближе к земле, там, куда не попадали солнечные лучи, стебли белели, словно обглоданные кости. Сновали мокрицы в членистых dospехах, из-под сухого листа выползла сороконожка в поисках нового крова. Я снова бережно укрыла ее листом. Отсюда, из нашего сада на склоне холма, моря не видно, зато чувствуется его запах. Здесь растут пышными куртинами каллы и гортензии, с яблони сыплется мелкая кислая падалица, и никто не спрашивает, как я справляюсь с горем. Трогаю пальцем пустую раковину улитки, дую на нее, и она откатывается в сторону. В чисто прибранном доме, за плотно задернутыми шторами отец сейчас уныло тянет виски под унылые пластинки. Солнце еще жарит по-летнему, припекает шею и плечи, и пора бы уже вернуться в дом, приготовить отцу ужин, пока он сидит в полутемной гостиной и бормочет: “Бет, Бет, Бет”. Принести ему говяжьей солонины с капелькой горчицы, как он любит, и картошки в мундире, и мороженого с персиками, с лужицей сиропа на дне тарелки. И пусть он называет меня умницей и говорит, как ему со

мной повезло. А потом отдраить до блеска раковину на кухне, вычистить краны, в которых отражается мое лицо, искаженное, словно в кривом зеркале, выгладить кухонные полотенца с птицами, дворцами, географическими картами и, сложив их квадратиками, убрать на полку — но это не сейчас. А пока что можно еще полежать в траве, среди пустых раковин, прошлогодних листьев и безудержного стрекота цикад. Трава сухая, невесомая.

В виске стрельнуло. Я приподнялась, села на пятки, стараясь не потерять равновесие. Все хорошо, хорошо. Наверное, солнце всему виной? Голова гудит, во рту привкус жженого сахара... нет, ни при чем тут солнце, это организм в очередной раз готов меня подвести. Выходит, я не переросла? И от таблеток никакой пользы? Глянула на свои руки — как чужие, и сад тоже чужой, и каллы парят надо мной желтоклювыми птицами, и небо в дымке, точно затянуто пленкой, и мамин голос, пусть быть того не может: *Я дома*. И вот он, приступ, обрушился на меня сквозь нагретый воздух, пригвоздил к земле.

Очнулась я на диване, лицом к спинке с пуговками, заморгала, и мало-помалу синие, голубые и белые нити слились в знакомый рисунок: девушка на качелях — старомодное платье с оборками, осиная талия, крохотные ножки в туфельках. Ленты развеваются на ветру. Купидоны, бабочки.

Я потерла шишку на виске.

— Бедная ты моя, — вздохнул отец.

— Я была в саду, — вспомнила я. — Или нет?

— Все с тобой в порядке, все хорошо, — заверил он.

— Так почему я здесь?

— Я тебя сюда перенес. На, попей.

— Ничего не помню.

Я глотнула воды и ощутила на языке привкус крови.

Однажды в детстве я спрятала во рту монетку, чтоб не отобрали, — вот что напомнил вкус.

— Я думала, таблетки меня вылечили, — вздохнула я. — Думала, переросла.

— Сходим опять к доктору Котари. Что-нибудь да подберем, путем проб и ошибок.

— Как это?

— Может, придется снова таблетки попить.

— Нет, от них у меня трясучка и во рту пересыхает. Может, подождем?

— Может быть, он другие пропишет — и все будет хорошо.

— Все же было хорошо. Я думала, мне таблетки уже не нужны.

— Прости, родная. — Он плеснул себе еще.

Я спросила сдавленным шепотом:

— А вдруг это случится в школе?

— Миссис Прайс за тобой присмотрит.

— Станут думать, что я урод какой-то.

— Миссис Прайс этого не допустит.

Я помолчала, потом спросила:

— Может, подождем?

Отец со вздохом кивнул.

— Но еще один приступ — и идем к доктору Котари. А то, чего доброго, упадешь и расшибешься. А это нельзя, ни в коем случае.

Остаток того дня помню смутно — зачастую после приступа целые часы выпадали из памяти, — но вот

что запомнилось надолго: я смотрю “Лодку любви”, положив голову отцу на колени. Под песню в начале капитан Стюбинг глядит в бинокль, бармен Айзек украшает фруктами бокал, а Джули, директор круиза, улыбается на фоне моста Харбор-Бридж в Сиднее, потому что собралась замуж за австралийца, чей акцент на австралийский совсем не похож, и потом он ее бросит у алтаря, потому что неизлечимо болен, а ее слишком сильно любит. А Вики, дочь капитана, со стрижкой точь-в-точь как у меня, стоит на палубе в матроске, и за ее спиной синее море. Вики живет на корабле и успела побывать и в Пуэрто-Вальярта, и в Акапулько, и в Масатлане — интересно, как это, жить сразу везде — и нигде?

— Где они? — спросила я.

— Что? — не понял отец.

— Где плывут, в какой они стране?

— Гм...

— А если в круизе кто-нибудь умрет? Что тогда?

— Это же “Лодка любви”, здесь не умирают.

— А в жизни?

— Капитан имеет право хоронить людей в море, — объяснил отец. — Он может заключать браки и хоронить.

— Но в море не выроешь яму, — удивилась я. Не шевельнуться, вся отяжелела.

— Все равно говорят “хоронить”.

Я знала, что Вики на самом деле намного старше; если смотреть титры в конце и взглянуть на мелкие римские цифры, то станет ясно, что в Новой Зеландии показывают давно прошедший сезон — мы отстали на годы.

Когда пассажиры поднимались на борт, отец ласково трепал меня за ухо, и мне казалось, будто в ухе шумит море.

ГЛАВА 3

Наутро мне по-прежнему было нехорошо: голова тяжелая, ноги словно увязли в болоте. Отец разрешил мне остаться дома, но я рвалась в школу, ведь миссис Прайс нам обещала сюрприз и тест, но такой, к которому заранее не подготовишься. Я прихватила свою “счастливую” ручку. Мне привезла ее мама с острова Южного, куда она ездила на пароме незадолго до того, как ей поставили диагноз. Это тебе на память, сказала она и показала крохотный кораблик в корпусе ручки, если ее наклонить, кораблик плывет по зеленым волнам пролива в открытый океан. Я эту ручку берегла, чтобы чернила подольше не кончались, но контрольные всегда писала ею. Мне казалось, она приносит удачу. Ручка-талисман.

— Как думаешь, что за сюрприз? — шепотом спросила я Эми, свою лучшую подругу, когда мы сиделись за парты.

— Что-то вкусное? — предположила Эми. — Опять домашняя ванильная помадка?

Помадку миссис Прайс уже приносила в класс, в самом начале учебного года. И обещала принести еще, если будем хорошо себя вести — все хорошее вознаграждается. И все в тот день сидели за партами

прямо, и слушали, и кивали, и не выкрикивали с места — не ради награды, а чтобы сделать ей приятное. И в городе, и в школе Святого Михаила она появилась недавно и была моложе наших родителей и красивее наших мам, носивших широкие коричневые брюки и прозрачные дождевики. Она смотрела на нас по-особому, с любовью, будто ей не терпится услышать, что мы скажем. Положит тебе руку на плечо, как подруга, наклонится поближе и слушает. Она смеялась, когда мы хотели ее рассмешить, находила для нас добрые слова в нужную минуту. Говорила, какие мы молодцы, как нестандартно мыслим. Придешь в школу с новой стрижкой и не знаешь, к лицу ли тебе, а она встанет, подбоченясь, и скажет: “Смотрите, Дэвид Боуи!” или “Кристи Бринкли обзавидуется!” Попросит одного-двух отцов прийти в субботу починить расшатанные парты и стулья — явятся человек десять с молотками и дрелями. Говорили, что ее муж и дочь погибли в автокатастрофе, но никто не знал точно, когда и как и была ли она с ними в машине, а спрашивать не хотели. По утрам она приезжала в школу на белом “корвете” — руль не с той стороны, на американский лад, ни заднего сиденья, ни багажника — как же она возила продукты из магазина? А может, продукты ей доставляли, как героям сериалов, или она обедала во французских ресторанах, где зеркала от пола до потолка, а в них мерцают огоньки свечей? На запыстях у нее позвякивали стеклянные браслеты, а волосы были светлые, волнистые и длинная челка, как у Ребекки Де Морней в фильме “Рискованный бизнес”, который нам смотреть запрещали, потому что он совсем не для детей. На шее она носила золотое распятие